

ТЕЛЕФОННЫЙ звонок отвлел петропавловского врача Рубецкого. Звонили из Апахи, маленького камчатского селения, расположенного в ста с лишним километрах от города.

— Кто? — спросил Рубецкий медицинскую сестру.

— Рыжук, с апачинской почты.

— А-а, — мотнул головой Рубецкий, что у него всегда служило признаком хорошего настроения.

— Слушаю, Григорий Емельянович.

По мере того, как в трубке захлебывался далекий взволнованный голос, лицо врача делалось все серьезнее.

— Довольно, довольно, — перебил он. — Нogu надо отнять и быстрее. Далее последовала целая серия медицинских выражений...

Произошло вот что. Эвен-охотник случайно прострелил себе ногу. Пуля раздробила кость. А в селе ни врача, ни фельдшера. Охотника привезли к учителю — Григорию Емельяновичу Рыжку.

По совету Рубецкого учитель ампутировал ногу обычным острым ножом. Культю перевязал чистым полотном и затянул сверху лахтакскими ремнями.

Эвен остался жив и после еще прославился тем, что охотился летом с бата, а зимой с нарты.

— Это была, вероятно, первая на полуострове операция «по телефону»...

Впрочем, к Рыжку сельские обращались не только по медицинским вопросам. Он был столяром — сам вместе с камчадалами строил школу, агрономом — возле Апачинских ключей устроил огород. Грядки теплялись горячей ключевой водой, и за короткое лето здесь вызревали и огурцы, и помидоры. И просто заходили к Рыжку по житейским делам или в гости. Григорий Емельянович был учителем.

Народный учитель — это прозвище с невольным уважением. Это тот, кому ты подражал и в большом, и в малом — и в том, как носить фуражку и во взглядах, тот, который научил тебя владеть словом — обращать его к добру.

Пароход общества Добровольного флота «Стандарт» долго швартовался к длинному деревянному пирсу. Пассажиры выпустили только к вечеру, после того, как была произведена тщательная карантинная проверка. Эту строгость ввел новый петропавловский медицинский инспектор доктор Рубецкий.

Вместе с другими с парохода сошел сучковатый, среднего роста, молодой мужчина в учительской шинели. Дул северный ветер, и шинель, подбитая «ветерком», плохо держала тепло. Надвинув поглубже фуражку, пассажир взял в одну руку чемодан, а в другую футляр со скрипкой и направился по главной улице города, освещенной парой керосиновых фонарей: один возле камчатского отделения известной дальневосточной фирмы «Чурин и сыновья», а следующий — возле двухэтажного губернаторского дома. У скалистого сигнального маяка выл хор ездовых собак, там для них было отведено специальное место.

Это было 1-го октября 1911 года. На Камчатку их, учителей, приехало семеро. Все имели назначенные. Рыжук — в Петропавловское училище, но он попросил отправить его в село. Предложили Мильково.

— «Камчатский Лондон», — как-то неприятно ухмыльнулся инспектор начальных училищ Севастьянов.

Первые тридцать верст до села Завойки, нынешнего Елизова, Рыжук везли на лошадях. Подводу он нанял у одного молокана, жителя Петропавловска. Молокане

были выселены на Камчатку из Амурской области. Кучер был тощ и робок, но имел грозное прозвище — «Бомба».

— Понимаешь, — объяснял он каждому новому знакомому, — нашел я это чугунное ядро. Здоровое, тяжелое. Вот, думаю, на каменку в бане. Уж поддашь, как раскалится, то пару будет. Значит, положил. Затопил и пошел за водой. Вдруг как ухнет. Оглянулся — у нас на огороде. Прибежал — от бани один «пшик». Ядро-то было порохом начинено... После того меня и прозвали «Бомбой»...

От Завойки — нартовый тракт. Через Авачу Рыжука переправили на спаренных батах.

— А мы — очередные каюры, — представились двое камчадалов. — Шесть копеек с нарты за версту.

За Коряками повзлал снег. Ехали по 10—15 километров в сутки. Каюры и учитель брели впереди, прокладывая тропу для собак.

Как эта долина, стесненная крутыми сопками, не похожа на Украину, на Житомирщину, где он закончил учительскую семинарию и откуда был вынужден бежать, когда жандармы обнаружили у него революционные прокламации. И вот теперь он на Камчатке, бредет по сугробам в какое-то Мильково.

Только на 17 день показались дымки этого глубинного камчатского села. Нарту остановили возле школы. Тишина. Ни учителя, ни учеников.

— Вас батюшка к себе просит, — подбежала девица.

— Вы тут работаете? — поинтересовался Рыжук.

— Нет, я попова племянница.

Поп Павел Ворошилов жил рядом с церковью — деревянной и покрашенной в белую краску.

Из дома доносился шум. Зашли.

— Эх пошла-покликала, Сарафан подтыкала.

Чашки, ложки продала.

Себе юбку нажила.

— Дискантом пел поп, бестолково прыгая по избе.

Под столом лежал сабутыльник.

— Телятьев, вылаз, — присел поп. — Новый учитель приехал.

— Какой там новый? — брюзжали под столом. — У нас штаты полные.

Так Рыжук встретился со своим коллегой, учителем Константином Степановичем Телятьевым.

Школа в Мильково была двухклассная. Учились в ней полтора ста ребят, собирались почти со всей долины, от Толбачика до Ганал.

На следующий день учителя отправились в церковь. Инспектор требовал справки об исповеди — это установленный порядок, вроде документа о благонадежности.

— Вот крест, святое евангелие, — начал поп, склонившись над головой учителя. — Вернись в господу нашего?..

— Я пришел в церковь не по убеждению, а по служебной обязанности, — ответил Рыжук.

— Что за учитель?! — возмутился отец Павел. — Иди, бей двенадцать поклонов... Губернатору напишу, протоиерею Шерстенникову!..

Телятьев, который исповедовался первым, с волнением следил за сценой объяснения своего товарища с Ворошиловым. Поп не написал жалобу, Телятьев с ним поговорил или еще отчего, но все обошлось.

Рыжука заинтересовало обилие городской одежды в селе. Щеголяла в шелковых платьях, а мужчины даже в сюртуках. Но после посещения магазина чуринской фирмы все стало понятно: другой

одежды на полках и не было. Фирма бывала залежалый товар и к тому же дорогой. А муки нет, сахара и керосина тоже... Зато сапоги, пожалуйста — лаковые... Зато спирт — залейся. И заливайся, и в карты за ночь проиживай заезжим авантюристам всю сезонную добычу — и соболей, и горностаев. Понял Рыжук смысл презрительного «камчатский Лондон», с которым проводил его сюда Севастьянов.

В Мильково Григорий Емельянович проработал два года. Здесь он познакомился с приват-доцентом Петербургского университета Владимиром Леонтьевичем Комаровым, исследователем флоры полуострова, в советское время — президентом Академии наук СССР. Вместе с ним на деревенских вечеринках отплясывали камчатский танец — «восьмерку». Побывал он в экспедиции с камчатским горным инженером К. А. Оводенко. Очень важным делом можно считать создание Г. Е. Рыжуком при школе метеостанции. Наблюдения велись не только за погодой, но и за почвой.

Вскоре Григория Емельяновича переводят в село Апаху. Здесь-то ему и пришлось сдавать экзамен на «хирурга» — отнимать ногу у охотника. Доктор Рубецкий остался им весьма доволен, и часто вспоминал об этом случае. Пегр Петрович Рубецкий, умный и прогрессивный врач, стремился привлечь учителей хотя бы к элементарному медицинскому обслуживанию жителей Камчатки. Он их снабжал аптечками и, при всяком удобном случае, проводил своеобразные семинары, объясняя симптомы заболеваний и лечение. Некого же было ему еще надеяться, как ни на учителей, единственных образованных людей в камчатских селах. Вот почему Г. Е. Рыжук перед началом занятий отводил час врачебным делам.

Рыжку пришлось участвовать еще в одном серьезном медицинском событии, ставшим, в конечном счете, политическим. Камчатский иеромонах Нестор, который претендовал на роль духовного пастыря «всей Камчатки», привез в 1916 году из Петербурга вагон старой одежды. Он с помпой объявил, что это подарок камчадалам от царицы Марии, попечительницы Красного Креста. Как только лег снег, Нестор отправился с нартовым обозом на западное побережье Камчатки, в Большерецкую волость. В Апахе он устроил молебен, а после — раздачу царских подарков.

Через несколько дней началась эпидемия. Все село слегло. Люди так дожимали жар, что они, теряя сознание, выбегали на улицу и садились на снег. Добавлялась еще простуда...

Рыжук сообщил по телефону П. П. Рубецкому о непонятной болезни и высказал мнение, что это оспа и завезена с царскими подарками. Рубецкий спешио выехал, надо было локализовать эпидемию и помочь больным. Вместе с ним отправился и его большой друг ветеринарный врач Сергей Александрович Грюнер. Грюнеру не впервой в своих северных поездках оказывать помощь не только оленям, но и оленеводам.

Нестора вернули уже из Большерецка. «Подарки» сожгли.

— Вот пояс от императрицы, а рясю мою вышивала княжна Елизавета собственной рукой, — кричал дородный монах. — Вы ответите за насилие, за богохульство!..

Но Нестора не поддержал даже петропавловский протоиерей Шер-

стеников, недолголюбивший проидошного иеромонаха. Что касается Рубецкого и Грюнера, то они оба Нестора не терпели. Рыжука по поводу «апачинского скандала» вызвали в город.

— После сего вам надлежит уехать в другую школу, скажем, в Кихчик, — сказал инспектор Севастьянов. — Либо увольняйтесь.

Рыжук зашел посоветоваться к своим землякам — украинцам, учителям высшего начального училища А. Н. Яременко и Н. И. Оселедько.

— Говоришь, Севастьянов? — сказал Оселедько и подал бумагу. — Почитай-ка.

«...Севастьянов, вынужденный расстаться с выгодным делом, какова торговля женским телом, переехал на Камчатку».

— Что это? — спросил Рыжук.

— Из Якутска пришло. Севастьянов оказывается, держал прыток...

Вечером Рыжук был у Ново-

грабленовых, в большой камчадальской семье. Он хорошо знал старшего — Ивана Новограбленова, который работал счетоводом в отделении Чуринской фирмы. Григорий Емельянович рассказал о своем переводе и об истории с Севастьяновым.

— Недавно Яременко ставил тут украинскую пьесу, — сказал Иван. — Играли наши — учителя и старшие ученики. Севастьянов пришел пьяный и кричал из рядов: «А зачем Хохляндия?». Тогда Яременко после занавеса вышел на сцену и прочитал стихи Шевченко. Что было!..

Уже в Кихчике Рыжук узнал, что его земляков губернатор Мономахов уволил и выслал с Камчатки «за агитацию». Начальству пришлось убрать и Севастьянова, репутация которого после письма из Якутска была окончательно «подмочена». На его место назначили опытного, пользующегося уважением, учителя Курилова.

В Кихчике Рыжку опять пришлось строить школу. Он был и десятиником, и завхозом, и плотником. Жители помогали охотно. За лето школа была поставлена. Осенью на попутном пароходе Григорий Емельянович направился в Петропавловск, чтобы закупить книги, учебные пособия. Зашел к губернатору отчитаться.

У меня осталась еще тысяча рублей от строительства.

Губернатор, в генеральской шинели с красной подкладкой, сложил на большом животе руки. Поиграл пальцами и убежденно сказал:

— Дурак! Внеси в банк и приноси отчет.

— Разрешите, ваше превосходительство, приобрести на эти деньги наглядные пособия. Я во Владивостоке заказал...

— После, после...

УДАРИЛА новость — свергли царя. Затем — Октябрьская революция — долой всех буржуев. Новая школа в Кихчике становится еще и клубом, а учитель — пропагандистом новой жизни. Люди впервые здесь услышали мелодию Интернационала, сыгранную учителем на скрипке. Г. Е. Рыжук организует в селе кооперацию. И когда администра-

ция завода фирмы «Братья Люри» попыталась лишить кооператоров соли, то учитель отправился за ней на катере в Большерецк.

Погода словно сговорились с заводчиками Люри. Жестонкий шторм сорвал шлюпку и смыл бочонок с водой. Катер едва держался. За машиной следил владелец суденышка Северин Карлсен, а на палубе Рыжук. Был еще третий пассажир — икорный мастер Лупандин, но он лежал плашмя — укачался.

На третий день кончилась последняя вода. Укрыться негде, а в устье реки не зайдешь: опрокинет на барах. Карлсен позвал Рыжука. Он держал в руках бутылку водки и кусок сала.

— пей!

— Не буду и нельзя, — ответил учитель.

— пей! Пьяному легче умирать...

Рыжук молча отвернулся и ушел на палубу, где приспособлялся клок парусины, надеясь собрать хоть капли от тумана. Но пошел дождь...

Только на седьмой день вошли в устье. Но соль привезли.

Гражданск а я война подорвала и без того слабое хозяйство камчатского завода и учителя. Чтобы прокормиться, Рыжку приходилось вместе с другими жителями Кихчика и рыбачить, и охотничать. Правда, когда в Петропавловске хозяйничали колчаковские власти, ему прислали «жалованье» — 46 тысяч рублей! Деньги были отпечатаны в Омске на шпалерной бумаге и их никто не принимал... Но школа в селе все равно работала.

Уважение к учителю росло. Населению трудно было разобраться во всех политических событиях. Сообщения запаздывали или передавались в искаженном виде. А однажды пришла телеграмма из Николаевска-на-Амуре от анархиста Тряпичина с приказом жечь японские рыбозаводы, уничтожать рыбалки. Рыжук объяснил, что это провокация. Японские военные суда плавали рядом, стояли на рейде Петропавловска, и японская военщина ждала только повода, чтобы оккупировать полуостров.

Не дождалась! 22 октября 1922 года части народно-революционной армии заняли Владивосток. Белогвардейское отребье, хозяйничавшее в Петропавловске, начало спешно готовиться к эвакуации, и в начале ноября бежало в Японию и в Манчжурию. Камчатка, наконец, получила возможность свободно строить новую жизнь.

Вот уже несколько лет я получаю с Кубани письма, написанные непременно черными «учительскими» чернилами. По-прежнему твердый почерк у Григория Емельяновича Рыжука, хотя ему и исполнилось 80 лет. В прошлом году я решил повидать этого человека, поговорить с ним.

Когда «АН-10» поднялся в воздух и взял курс на Краснодар, я задумался, как проще найти станицу Алексеевскую и водил пальцем по карте Краснодарского края, услужливо предложенной стюардессой.

— Говорите, Рыжук? — спросила моя соседка, аспирантка одного московского вуза. — Я эту фамилию не раз слышала от отца.

О Рыжуке у нас писали, — заметил другой пассажир. — Это же известный садовод-мичуринец...

И уже вдвоем принялись объяснять, как найти станицу Алексеевскую. Оказалось, надо ехать через город Тихорецк. А в Тихорецке на стоянке такси первый же шофер, узнав, что мне нужна Алексеевская, а там — Рыжук, — сказал:

— Кто же Рыжука не знает. В прошлом году к нему гостей с Камчатки привозил.

Так добрая молва о старейшем камчатском учителе довела меня до белой хаты, окруженной садом.

Мы говорили неделю. Вернее, говорил он, а я записывал. Григорий Емельянович был тяжело болен и переживал, что должен лежать в постели.

...Газетные вырезки, документы и письма. Сколько их — пишут со всех концов страны: и бывшие ученики, и садоводы-любители, и ученые, и агрономы, и генералы, и рабочие. Письма полны тепла.

«Во мне горячее желание с благодарностью пожать ваши натруженные руки, — пишет инвалянд Великой Отечественной войны П. Юренко. — Они мне напоминают руки моего отца. Я все больше начинаю понимать величие такого трудолюбия».

А поговорите с людьми в той же Алексеевской. Вам покажут аллею из могучих тополей перед школой — это аллея учителя Рыжука. Идешь от села к железной дороге — пересекаешь полосу из абрикосовых деревьев. Это опять Рыжук с ребятами сажал... В своем садике у Григория Емельяновича сейчас 32 сорта одних только яблок, растут даже стелющиеся персики. Еще в 1956 году он писал на Камчатку: «Можно ли наладить связь с каким-нибудь овощеводческим совхозом и оказывать услугу в раннем выращивании огурцов и помидоров...». Но рассказ о Рыжуке-мичуринце — это особая и большая тема.

Конечно, я просмотрел камчатские письма, которые Григорий Емельянович хранит отдельно. Он как раз писал ответ на одно из них:

«Дорогой мой ученик Гаврюша, письмо твое я получил на пятый день. Век наш полон чудес. В 1916 году я ехал из Апахи к вам в Кихчик две недели, — так начиналось это письмо».

Мы познакомились с Гаврилом Алексеевичем Новограбленовым, которого Г. Е. Рыжук зовет по старой памяти Гаврюшей. Он работает мотористом на электростанции судоремонтно-механического завода. Старший сын Г. А. Новограбленова — инженер, средний — учится в Томском политехническом институте, самый младший — на третьем курсе Петропавловского рыбопромышленного техникума.

«Я рад, что на Камчатке есть люди, ценящие меня, — продолжал Григорий Емельянович. — Рад, что мои ученики помогают строить новую Камчатку, без японцев и купцов».

Конечно, здесь его помнят. Зинаида Мефодьевна Слободчикова из села Утки свое письмо начинает так: «Уважаемый, дорогой мой и любимый учитель Григорий Емельянович!..» Какое же, видно, счастье, когда к тебе вот так обращаются люди, имеющие уже внуков...